

О ШИЗОИСТЕРИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ

В.П. РУДНЕВ

В статье предлагается к обсуждению вопрос о шизоистерическом характере как самостоятельной конституции. Рассматривается и сопоставляется природа истероида и шизоида. Описывается концепция Суперэго- и Id-характеров. Высказывается предположение о существовании двойных характеров. Раскрывается сущность шизоистерического характера.

Ключевые слова: шизоид, истероид, характер, Фрейд.

Шизоистерический характер — парадоксальное сочетание. Замкнуто-углубленный интеллеktуал, неразговорчивый, погруженный в себя шизоид, с одной стороны, и демонстративная, инфантильная, болтливая и поверхностная истеричка — с другой¹.

В этой связи вспоминается понятие деиксомании, введенное Александром Сосландом в его книге «Фундаментальная структура психотерапевтического метода» [Сосланд, 1999] и определяемое как стремление демонстрировать себя, свойственное всем людям. Так шизоид может *демонстрировать* свою *замкнутость*. Вот первое пересечение между истериком и шизоидом.

Вообще можно было бы сказать, что шизоистерики это просто один из вариантов многочисленных мозаических конституций — шизотипической², органической, эндокринной, эпилептической. Если выделять шесть характеров: циклоиды, шизоиды, истерики, ананкасты, эпилептоиды, психастеники, — то, перемноженные друг на друга, они дадут огромное сочетание психических конституций.

Взяв за основу вторую топику Фрейда — разграничение инстанций СверхЯ и Оно с нейтральным Я, находящимся посередине, — можно

¹ Впрочем, Фрейд уважал своих первых пациенток-истеричек и некоторых из них считал наделенными высоким интеллектом [Брейер, Фрейд, 2005], но мы здесь говорим не об истерии как неврозе, а об истерическом характере.

² Выделенной еще Ганнушкиным в 1913 году в статье «К вопросу о шизофренической конституции» [Ганнушкин, 1998].

расположить традиционно выделяемые в отечественной литературе характеры следующим образом:

шизоиды ананкасты психастеники
циклоиды истерики эпилептоиды

Верхняя строка — это характеры, регулирующие рациональностью, нижняя строка — характеры, регулирующие влечениями. При этом шизоиды противопоставлены циклоидам по параметру «реалистический — аутистический», ананкасты — истерикам по параметру «дискретно-культурный — континуально-природный», и психастеники — эпилептоидам по параметру «дефензивный — авторитарный». Эта классификация характеров интересна тем, что она тесно соотносится со второй теорией психического аппарата Фрейда. Можно заметить, что верхняя строка — это, так сказать, Суперэго-характеры (управляемые рациональностью), а нижняя строка — это Id-характеры (управляемые влечениями). Действительно, шизоиды, ананкасты и психастеники живут разумом, а циклоиды, истерики и эпилептоиды — чувством. Но Суперэго и Id есть у каждого человека. В соответствии с этим у каждого человека должно быть минимум два характера. Суперэго может быть сильным и слабым, так же как сильной и слабой может быть сфера влечений. Но одно невозможно без другого. Поэтому в принципе у личности с сильным Суперэго — то есть у шизоида, компульсивного или психастеника, должно быть вступающее с ним в диалог или борьбу Id, соответственно — циклоидное, истерическое или эпилептоидное начала. А поскольку Суперэго-характеры и Id-характеры являются не родственными друг другу, то это ведет к тому же выводу, что в каждом человеке кроется шизотипический аспект. При этом шизоидное Суперэго вовсе необязательно будет брать своего Id-контрагента по стрелке вниз. Шизоид, как известно, может быть человеком с сильными авторитарными влечениями (эпитимный). Ананкаст чаще соотносится с истериком, что было замечено еще Фрейдом, наблюдавшим у человека попеременно невроз навязчивых состояний и истерию. Психастеник, человек с наиболее слабыми, жухлыми влечениями, тем не менее, может быть внешне циклоидоподобным и так далее. У истерика главное — это вытеснение как механизм защиты и амбивалентное отношение к сексу — истеричка сначала завлекает, потом «динамит». Почему так происходит?

Истерический характер формируется достаточно поздно, в период активного Эдипова комплекса, то есть идет где-то рядом с Obsession: истеричные сильно связаны с сексуальной проблематикой, то есть одновременно влекутся к сексу и он одновременно их пугает. С другой стороны, самая первая реакция младенца — его истошный крик как результат травмы рождения — по сути, истерическая. И крик, и двигательная буря —

все это сопровождает самые первые месяцы младенческого развития, что в целом и немудрено, потому что истерическая реакция, как сформулировал Кречмер, — это животная реакция, поэтому она сопровождает жизнь младенца с первых пеленок. Но только ли реакция или же возникновения истерии как невроза, или даже как характера связана с первыми днями развития младенца — на этот вопрос пока нет ответа.

Во всяком случае, истерическое противопоставление «плохой/хороший», «приятный/неприятный» — оно достаточно раннее, так как очень мало связано с принципом реальности и чрезвычайно тесно связано с принципом удовольствия³.

Итак, какова же природа истерии?

Рассмотрим вначале, возможно, самую важную проблему из затронутых выше — амбивалентное отношение истерика к сексуальной проблеме. Напомним, что эта проблема состоит в том, что истерик или истеричка проявляют необычайный интерес к сексуальной жизни, но когда наступает время возможной близости, они либо в последний момент увиливают, либо при коитусе не получают никакого удовлетворения.

Итак, мы будем рассматривать истеричку традиционно как дитя Эдипова комплекса, то есть это девочка, которая недополучила ласки от матери⁴. Период активного Эдипова комплекса Фрейд называл фаллическим, в нем область интересов психосексуального развития ребенка перешла от рта и ануса к гениталиям, но это еще инфантильные, несформировавшиеся гениталии, это скорее символы гениталий, фаллос как универсальный символ обладания мужской силой и властью, а не отцовский пенис, сколь бы он велик не был. Проблема обладания фаллосом и размышления по этому поводу — главная черта фаллической стадии. Для девочки здесь характерно развитие зависти к пенису и, в то же время, наделение матери символическим фаллосом.

В чем проявляется озабоченность маленькой истерички сексуальной проблематикой и в чем сказывается истерическая специфика этой озабоченности? Итак, для этого периода характерно разочарование в матери как не

³ К соотношению истерии и обсессии заметим, что механизм защиты «изоляции» относят только к обсессивным, но он может таким же образом быть применен и к истерикам; разница лишь в том, что у обсессивных происходит изоляция интеллектуального от эмоционального — обсессивных нужно обучать эмоциям, а у истеричных это изоляция эмоционального от интеллектуального, истерика надо учить думать.

⁴ Матери истеричек традиционно считаются «плохими», — у обсессивных скорее плохой отец, излишне суровый, из которого формируется суровое обсессивное Суперэго.

снабдившей нашу героиню-истеричку фаллосом и, в то же время, отождествление с матерью как соперницей в праве хотя бы временного обладания большим отцовским penisом. Казалось бы, все просто — стремление к тому, чтобы ею обладал отец, и ненависть к матери как сопернице и формирует в дальнейшем амбивалентную динамику по отношению к сексу. Желание по отношению к отцу очень велико, но оно также находится под чрезвычайным запретом, мать в фантазиях будущей истерички не дает девочке обладать отцом. Таким образом, во взрослом состоянии все мужчины для истерички — это потенциальные отцы, а все женщины потенциальные матери. Поэтому все мужчины желанны, но желание это находится под запретом, оно инцестуозно по своей природе и карается матерью. Вот в двух словах объяснение истерической сексуальной динамики.

Что же специфически истерического в таком положении дел? Ведь известно, что *любой* невроз всегда — прежде всего, неудача или проблемность в сексуальной жизни. Отличие других невротиков в том, что их так не влечет сексуальная сфера и нет такой амбивалентности в области сексуального опыта.

Возраст ребенка, при котором происходит истерическая фиксация, характеризуется зрелыми объектными отношениями, то есть, говоря точнее, переходом от диадных отношений «ребенок — мать» к триадным отношениям «ребенок — мать — отец». Только при триадных отношениях возможен активный невротический Эдипов комплекс. Предшествующие диадные отношения не являются полноценными и, если ребенок фиксируется на них, то это может привести позднее к психотическим взрывам. Почему так происходит? Когда ребенок находится только в диалоге с матерью, весь мир для него сосредоточен на одном объекте (отец, сиблинги, а также бабушки и дедушки могут играть или не играть какую-то роль, но на этом этапе развития ребенка достаточно одной матери), его фундаментальная реальность ограничивается только ею, потому что именно она постоянно кормит, ласкает его и защищает от внешнего мира. Но она, как правило, не дает ему никаких жестких норм поведения, потому что он еще слишком мал.

Один объект — это значит, что у ребенка нет выбора, с кем общаться, с кем выстраивать объектные отношения. Если мама ушла, ее некому заменить, — это уже катастрофа. То есть маму может на время заменить бабушка, но на первом году жизни бабушка или старшая сестра это еще не объекты, ребенок еще не знает, как выстраивать отношения помимо материнских, это просто какие-то временные суррогаты матери. Итак, для того, чтобы объектные отношения были зрелыми, нужно минимум два объекта с определенными полярными отношениями у них. То есть нужен

отец. Когда появляется отец, тогда появляется выбор — на одного можно опереться, от другого можно отталкиваться. Ведь реальность состоит из бинарных оппозиций, так называемых модальностей — хороший-плохой, можно-нельзя. Первая пара называется аксиологической модальностью, и она является наиболее фундаментальной в раннем младенчестве. Чувство плохого и хорошего появляется самым первым: хорошее это сытость и тепло, плохое это голод и холод. Значение обоих элементов этой первоначальной аксиологической оппозиции ложится на мать.

Чтобы обрести способность любить и работать — для истерика скорее любить, чем работать, для обсессивного скорее работать, чем любить, — невротики вынуждены прибегать к инфантильному управлению с реальностью. То есть они, как дети, ломают игрушку, чтобы посмотреть, что у нее внутри. Ибо ни обсессивная магия, ни истерическое вранье по большому счету не срабатывают, и только прибавляют страдания невротикам. Истерическая личность, вынужденная прибегать к вранью, лести, театральным жестам, истерическим припадкам, обморокам и тому подобному, в результате добивается только того, что нормальные люди от нее отворачиваются. Вранье, так или иначе, разоблачается.

В основе истерического симптома лежит послание. Это послание может быть различным в зависимости от того, что это за симптом. При конверсионной истерии это послание зашифровывается в истерическом стигмате. Если человек приобретает истерический мутизм, это значит «Я не хочу с вами разговаривать» (случай Доры), если у него абазия и он не может ходить, то это, скорее всего, означает «Я не могу или не хочу ходить», если истерическая слепота, то это означает «Я не хочу этого видеть». В подавляющем числе случаев психоаналитики соглашаются в том, что природа этого знакового симптома имеет сексуальный характер, и именно эта сексуальность, будучи Эдипово окрашенной, и подавляется. Более ярко выраженной является поза характерологического истерика. Ярко накрашенные губы, яркая, привлекающая к себе одежда, театральная речь — все это имеет фаллическую природу демонстрации своей сексуальной привлекательности: «Посмотрите я на меня — я самая соблазнительная женщина».

Что происходит в случае взрослой истерички-психопатки, которая демонстрирует свое тело (= свой несуществующий фаллос)? Здесь в основе лежит фиксация на фаллической стадии психосексуального развития. Но что это значит? Как происходит фиксация? В случае анальной фазы это более ясно, это преувеличенное приучение к туалету, некое моральное предписание, которое явно выражено вербально «Ты должен испражняться в определенное время и в определенном месте!» А что же происходит в случае фаллической фиксации? Здесь ведь, как мы уже го-

ворили, нет деонтических норм. Здесь ребенок как-то должен быть уязвлен на аксиологической шкале. Например (это первое что приходит в голову), девочка обнаруживает, что у нее нет пениса, а у ее брата и отца есть. И она выражает «зависть к пенису», но потом вытесняет ее и в качестве результата награждает себя символическим фаллосом, роль которого выполняет все ее тело. Все тело становится эрегированным фаллосом, который она демонстрирует своей истерической позой: «Смотрите на меня, я самая очаровательная женщина на свете». Обладание пенисом метонимически сместилось в сторону сексуальной привлекательности, то есть эквивалента символической фалличности.

Но вернемся к точке фиксации; вот она обнаружила, что у нее этого нет, а у окружающих ее мужчин, отца и брата, есть. Должен же быть какой-то семиотический момент, который запустит фиксацию. Она могла подумать: «У меня этого нет, а у папы есть, значит, я неполноценна», но мысль о своей неполноценности (которая у депрессивного превратилась бы в чувство вины) у истерички вытесняется. Опять-таки языковой семиотический символ является моментом, первичным по отношению к симптому (в данном случае истерической позе).

Примером такого механизма является конфликт обсессивного педанта Онегина («Хороший малый, но педант») и истерички Татьяны.

Если говорить, что обсессивный дискретно-навязчивый механизм запрета является одним из универсальных полюсов механизма культуры, то можно сказать что противоположным, спонтанно-континуальным механизмом является *истерический* механизм. Действительно, истерический тип невротической реакции во многом противостоит обсессивному. В обсессии культивируется дискретно-деперсонализационное начало, в истерии континуально-вытеснительное. В то время, когда обсессивный невротик что-то считает или без конца моет руки, истерика просто рвет или у него отнимается язык, или он рыдает, или застывает в одной позе.

Противопоставление истерического и обсессивного отношения к желанию в учении Лакана (вопрос истерика «Что я для другого?» — вопрос обсессивного невротика «Чего хочет другой?») приводит к тому, что обсессивное начало связывается с мужским, а истерическое с женским — обсессия это, так сказать, по преимуществу мужской невроз, истерия — женский [Салецл, 1999, с. 77], точно так же обсессивно-комплексивный характер по преимуществу мужской, а истерический — женский. Во всяком случае, именно такой была традиционная точка зрения психиатрии второй половины XIX века, пока ее не опровергли Шарко и Фрейд, диагностировавшие истерию у мужчин, что было встречено консервативной частью психиатрического сообщества край-

не скептически и враждебно [Джонс, 1997, с. 131—133]. При всей условности этого противопоставления его нельзя считать полностью лишенным основания. Действительно, все континуальное, интуитивное, иррациональное в культуре обычно отождествляется с женским и, напротив, все дискретное, рациональное — с мужским. Этому соответствует ряд универсальных мифологических противопоставлений, соотносимых с противопоставлением мужское/женское, таких, как инь/ян, темное/светлое, правое/левое, истина/ложь, жизнь/смерть.

Более того, обобщая сказанное, можно предположить, что оппозиция женское/мужское, понимаемая как противопоставление обсессивного истерическому в широком смысле, накладывается на оппозицию природа/культура. Действительно, природное начало традиционно считается по преимуществу женским (продолжение рода и т.п.), культурное начало — мужским.

Истерическое начало в пушкинской Татьяне заключается, в первую очередь, в ее плавающей идентичности и примеривании литературных масок⁵.

⁵ На это в устном разговоре Александр Сосланд возразил, что всякий человек отождествляет себя с героем, что это фундаментальная особенность психологии восприятия любого человека, читающего роман или смотрящего триллер. Я позволю себе ответить на это цитатой из своей книги «Диалог с безумием»: «Так что же девочка? <имеется в виду пассаж из романа Саши Соколова: «Девочка станет взрослой...» и т.д. — В.Р.> Она читает серьезные книги и опаздывает на работу. Вот она читает серьезную книгу. Пруста или Томаса Манна.

Но, может быть, наша девочка шизоидного склада — ведь сказано, что она читает *серьезную* книгу. Стало быть, механизм идентификации ей не должен быть свойственен. Это интересный вопрос. Как читают художественные тексты люди с разными характерами? Возможно, если речь идет о шизоиде, то стоит говорить о механизме негативной идентификации (для шизоида свойственно отрицание, это его базовый механизм защиты). «Я не такой, как эти герои». «Нет, я не Байрон, я другой» (шизоид Лермонтов). Истерик вообще может вытеснить свою личность в личность героя. Так Хлестаков превратился в важного чиновника. Истеричка забывает, что это она, а не Клавдия Шоша, и ей кажется, что ее действительно любит «хорошенький буржуа с влажным очажком».

В чем эта реакция истерического вытеснения при эстетическом восприятии художественного дискурса отличается от сангвинической идентификации? Сангвиник не забывает себя в герое — он себя до него дополняет, «я буду, как он, я буду жить его интересами, поэтому мне и интересно читать роман». А истеричка говорит: «вот, я именно такая, это написано про меня, я и есть мадам Шоша и меня любит симпатичный юноша, на которого мне наплевать» (типичная истерическая позиция). А как читают художественные тексты паранойяльные личности? Вероятно, они проецируют их на собственную жизнь. «Вот он ее любит, а она гуляет со стариком (имеется в виду мингер Пепперкорн), что она в нем нашла? Вот и моя Люська влюбилась в начальника» [Руднев, 2005, с. 67—69].

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Клариссой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит...

... и себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В волнение шепчет наизусть
Письмо для милого героя.
Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.

Только истерической экзальтацией можно объяснить совершенно не реалистический факт написания русской девушкой-дворянкой любовного письма мужчине в начале 1820-х годов. Именно попустительское нежелание считаться с этикетом и полное эгоцентризма нежелание хоть как-то разобраться в личностных особенностях человека, которого она полюбила, побуждает Татьяну к истерическому поступку написания письма, которому предшествует почти истерический припадок.

И вдруг недвижны очи клонит...
Дыханье замерло в устах...
Я плакать, я рыдать готова!..

Если бы Татьяна повела себя обдуманно, ей удалось бы, может быть, соблазнить Онегина и даже женить его на себе. Но ей этого не нужно. Недостигаемость эротического объекта для истерика — самая главная стратегическая цель. Именно такова тактика поведения Настасьи Филипповны, все время переходящей от одного любовника к другому и в последний момент, «из-под венца», сбегаящей от одного к другому, провоцируя тем самым собственную «истерическую смерть». Содержание письма Татьяны совершенно литературно, оно построено на романтических штампах и по-истерически дихотомично: «Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или коварный искуситель» (то есть либо Грандисон, либо Ловелас — истерическая пропорция в данном случае касается примеривания масок к Другому как следствие неопределенности собственной идентичности — она не понимает, кто она сама, какой она персонаж, поэтому не может сориентироваться в характере другого). Девушке не приходит в голову, что может быть нечто среднее — просто порядочный человек, хорошо

воспитанный, честный. Когда же он оказался именно таким, Татьяна была крайне разочарована — она заплакала, ее движения автоматизировались («Как говорится, *машинально*»), а увидев Онегина в следующий раз, она вообще чуть не упала в обморок. Только когда Онегин уехал, Татьяне пришла в голову первая адекватная мысль — попытаться разобраться, что он за человек. Тогда-то она идет в дом Онегина и читает его книги. Но в конце истеричка в ней все равно побеждает. Когда Онегин появляется в Петербурге, уже влюбленный в нее, она ему отказывает на том основании, что «она другому отдана» (характерна истерическая цветовая характеристика, которая дается Онегиным, когда он видит преобразенную Татьяну — «Кто там в *малиновом* берете / С послем испанским говорит?»). Характер Татьяны закосневает, застывает. В юности она могла написать помимо всех приличий письмо незнакомому мужчине, теперь же она предает свою любовь в угоду светским условностям. Конечно, дело не в том, что Татьяна считает безнравственным изменять мужу, а в том, что для истерической души важно поддерживать режим неосуществления желания [Салесл, 1999]. Если бы Онегин пошел навстречу Татьяне в юности, она бы придумала что-нибудь для того, чтобы сближения не произошло, например, решила бы, что он-таки — «коварный искуситель» или что-нибудь еще в этом духе. Роман Пушкина обрывается, и мы не знаем, действительно ли Татьяна останется верна своему генералу или фраза «Но я другому отдана / И буду век ему верна» — лишь истерическая фраза «на публику» — в роли которой выступает фрустрированный Онегин.

Что же шизоид? Он тоже относится к сексу и ко всякому сближению амбивалентно. С одной стороны, он одинок. Поэтому его тянет к Другому. С другой стороны он замкнут, и ему хочется оставаться одному. Это и есть проявление легкого шизоидного схизиса. Нечто подобное мы наблюдаем и у истеричек с их плавающей идентичностью: «Я такая, но я и не такая». На уровне сексуальной динамики все это тоже очень близко к истерической позиции.

Другое сходство между истериками и шизоидами заключается в том, что это характеры свободные, они не хотят знать никаких моральных запретов, закон для них не писан, они ведут, себя, как хотят. Конечно, этиология этой свободы разная. У истерички это следствие ее плавающей идентичности, незафиксированности в моральном плане, в преобладании аксиологической шкалы «плохо/хорошо». Она будет делать то, что ей нравится, и не будет делать того, что ей не по душе.

А что же опять-таки шизоид? Его свобода состоит в отказе от устойчивых норм, но не норм поведения, а норм эпистемических, связанных со знанием — шизоид свободен в том, что он придумывает за-

мысловатые абстрактные, «аутистические» концепции, отрицающие предшествующие теоретические построения. Его концепции могут не соответствовать реальности, но «тем хуже для реальности» как сказал по этому поводу великий шизоид Гегель. Свобода шизоида — это эпистемическая свобода отрицания. *Шизоид демонстрирует себя своими текстами.*

В чем же сущность шизоистерического характера? Не является ли он просто разновидностью полифонической мозаики? Здесь вновь обратимся к Ганнушкину, который противопоставлял «механическое» и «химическое» соединение разных радикалов в психике человека. У подлинных полифонистов соединение радикалов — механическое, они не слиты воедино — это хаотическая разноголосица, «сумбур вместо музыки». У шизоистериков мы наблюдаем «химическое» соединение — музыка шизоистерика по-своему чрезвычайно гармонична.

Вернемся вновь к пушкинской Татьяне. Суть состоит в том, что она не чистая истеричка, в ней очень много шизоидного. Мы пройдемся по роману и покажем, как шизоидное в ней перетекает в истерическое.

Вот детство Татьяны, детство типичного шизоида:

*Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.*

*Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.*

Что мы здесь видим? Погруженность в себя, замкнутость, отсутствие синтонного тепла: она не хотела ласкаться к родителям, в семье казалась *чужой* девочкой, сидела молча в *одиночестве* у окна. Сравним:

«Шизоидные черты выявляются раньше, чем особенности характера всех других типов. С детских лет поражает ребенок, который любит играть один, не тянется к сверстникам, предпочитает держаться среди взрослых, иногда подолгу молча слушает их. К этому добавляется какая-то холодность и недетская сдержанность. <...> Замкнутость, отгороженность от сверстников бросаются в глаза <...> Внутренний мир почти всегда закрыт от посторонних взоров. Лишь перед немногими избранными занавес может внезапно приподняться, но никогда до конца. И столь же неожиданно вновь упасть (Ср. письмо Онегину: «Вообрази, я здесь одна, / Никто меня не понимает...» — *В.П.*) <...> Большинство шизоидных подростков любит книги, поглощает их запоем, чтению предпочитает все другие развлечения» [Личко, 1983, с. 98].

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

Вот характерное для Татьяны совмещение шизоидного и истерического поведения. С одной стороны, она все время читает, с другой стороны, примеряет на себя чужие маски:

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Клариссой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит.
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...

Здесь нет той разлаженности, которую мы всегда наблюдаем у шизофреников. Татьяна вполне гармонично сочетает в себе шизоидное тяго-

тение к знанию и одиночество на лоне природы. С другой стороны, плавающая идентичность — фантазии отождествления себя с героинями романов. Сочетание одиночества, погруженности в себя и плавающей идентичности у нее не механическое, а «химическое», «не сумбур вместо музыки», а прекрасная мелодия юной души.

На протяжении романа Татьяна все время плачет:

Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью; Я плакать, я рыдать готова; Татьяны бледные красы, / И распущенные волосы, / И капли слез; Перед тобою слезы лью; Она приветствий двух друзей / Не слышит, слезы из очей / Хотят уж капать; уж готова / Бедняжка в обморок упасть; И между тем душа в ней ныла, / И слез был полон томный взор; И облегченья не находит / Она подавленным слезам; Я плачу... если вашей Тани / Вы не забыли до сих пор; И этим письмам и слезам; И тихо слезы льет рекой, / Опёршись на руку щекой; «Увижу ль вас?..» И слёз ручей / У Тани льется из очей / И долго плакала она.

Сравним в истерическом дискурсе:

Объемлет дол — и слезы потекли / В обитель слез, на яблоко земли; И весь невредимый хохочет утес; Я плакал, грустил, — но в тоске предомной; Уязвлен боец огромный, / Захрипел и застонал; Меня не жжет кровавая слеза; Блестит слеза отрадная в очах, / Нежданная, к устам она скатилась, И дружно со слезою засветилась; О, это слезы, скорби слезы, — В слезах купается земля; Безумно ей верит и плачет над ней; Как слезы катились у вас смоляные; Ее ты воплям чутко внемлешь Он бил слезами в водоем; Пронзительно свой извергая стон; И будет рад тогда заплакать он, И с жадностью слезу он проглотит; И под старыми слезами / Прячет новую слезу [Бенедиктов].

Полились слезы, восторга слезы; В груди конвульсии; Сердце в упоенье, / Мне пело: «Стихни... не дыши...»; Страстно рыдавшего, Тяжко страдавшего [об Н.А. Некрасове]; И, слушая, как стонет выюга, Дрожала Бедная подруга, Как беззащитная газель; И я страдал, и я рыдал; Моя болезнь, мой страх, плач совести моей; Но бес рыдал в бессилье дико... Стонала роща от порубок; И слезы капали беззвучно; А сердце плачет, а сердце страдает; Весь ум в извивах, все сердце — в воплях; Пел хрипло Фофанов больной; И ужасается, И стонет, как арба ... Тогда доверчиво, не сдерживая слез; В парке плакала девочка... Милой маленькой девочки, зарывавшей от жалости; Ведь я рыдаю, не рыдая, И буду плакать об одном; Я плачу! Я свободой пьян; И зарываю, молясь земле; И слезы капали; Ты помнишь, как сливались наши слезы? [Сервернин].

Так же характерна для Татьяны истерическая обездвиженность (ср. [Кречмер, 2001]):

И вдруг недвижны очи клонит,
И лень ей далее ступить.
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновенным пламенем покрыты,
Дыханье замерло в устах,

И в слухе шум, и блеск в очах...
И, как огнем обожжена,
Остановилася она.

Сидит с поникшею главой

*Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, не дохнет;*

Татьяна долго в келье модной,
Как очарована, стоит.

Интересно, что в конце романа Онегин истеризуется, и для него также становятся характерными слезливость и поза обездвиженности:

Желать обнять у вас колени / И, *зарыдав*, у ваших ног / Излить мольбы, признанья, пени, Все, все, что выразить бы мог; И *недвижим* остался он; Она ушла. *Стоит Евгений, / Как будто громом поражен.*

А вот наоборот — «двигательная буря» [Кречмер, 2001]:

Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью.
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

Однако когда Онегин уезжает, Татьяна берет себя в руки и поступает не как инфантильная истеричка: не плачет, не застывает в истерической бездвиженности, не носится в истерической фуге. Она идет в дом Онегина и *читает его книги*. То есть в ней просыпается ее зрелая шизоидная часть:

И в молчаливом кабинете,
Забыв на время все на свете,
Осталась наконец одна,
И долго плакала она.

Вот то сочетание шизоидного и истерического, о котором мы говорим: чтение книг в одиночестве, с одной стороны, и плач, с другой; и эти две части личности не вступают с друг другом в противоречие, а гармонически дополняют друг друга. Сравним у Пушкина в элегии: «Над вымыслом слезами обольюсь».

... Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* найдено?

Так же, как и Татьяна, в конце романа Онегин берет себя в руки и *начинает читать*:

Стал вновь читать он без разбора.
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего...

Почему «случай» Татьяны Лариной нельзя рассматривать как случай шизоида с истероидным напластованием, как, вероятнее всего, рассмотрели бы его М.Е. Бурно и П.В. Волков или, если не напластование, то вариант полифонического характера. Относительно последнего мы уже отмечали, что в описанных случаях мы не видим специфической шизофренической разлаженности и схизиса. Нет там и противопоставления синтонного и аутистического, что составляет главную ось шизотипического характера.

Зато в описанных случаях имеет место кречмеровская психостеическая пропорция — гиперчувствительность к одному и бесчувственность к другому. Татьяна Ларина глубоко чувствует природу, но равнодушна к родителям. В то же время, истерическая часть — это пропорция между двигательной бурей и оцепенением также характерна для Татьяны Лариной.

Все же мы еще не поняли, в чем состоит самая суть шизоистерического характера. Разберем подробнее, что такое шизоид и что такое истерик.

Шизоид — замкнуто углубленный характер, аутист. Для него характерны затрудненность в коммуникации, амбивалентное отношение к человеческой близости.

Фриц Риман приводит такой пример:

Один молодой человек под давлением своей подруги, которая хотела этого в течение нескольких лет, наконец, обручился с ней. Он пришел к ней с кольцом, и они вместе отпраздновали обручение. Как только он вышел из дома, он опустил в ее почтовый ящик письмо, в котором отменил только что совершенное обручение [Риман, 1999, с. 42].

Вспоминается Подколёсин из «Женитьбы» Гоголя, который в решающий момент выпрыгнул из окна, и Кафка, который несколько раз обручился с разными девушками, а потом отказывался от женитьбы, дорожа своим одиночеством как возможностью замкнуться в творчестве.

Как пишет Ненси МакВильямс, цитируя А. Роббинса, «шизоид как бы говорит: «подойди ближе — я одинок, но оставайся в стороне, так как я боюсь внедрения» [МакВильямс, 1997, с. 251]. Фриц Риман пишет, что «шизоиды чувствуют свое существование как угрозу» [Риман, 1999, с. 51]. Что это такое — боязнь внедрения, и что это за угроза, откуда они взялись? Первое, что приходит в голову это, конечно, Мелани Кляйн — шизоидно-параноидная позиция, где как раз идет речь о том, что младенец боится, что его поглотит «плохая грудь» [Кляйн и др., 2001, с. 425—490]. Но согласно Мелани Кляйн младенец, который не прошел эту стадию, становится впоследствии шизофреником, именно шизофреником, а не шизоидом, хотя статья, на которую мы только что сослались, называется

«Заметки о некоторых шизоидных механизмах». Впрочем, кречмеровский шизоид не так далек от шизофреника. Понимание шизотимной психопатии, как не переходящей в шизофрению — отечественная традиция, идущая от Ганнушкина и разделяемая М.Е. Бурно и П.В. Волковым. Можно предположить, что будущий шизоид в отличие от будущего шизофреника все-таки кое-как прошел шизоидно-параноидную позицию, но все же была фиксация, пусть небольшая, но оставившая шизоидный рубец — такое предположение соотносится с представлением о ранней фиксации шизоидов. Что это за рубец и где психодинамическая граница между шизоидной психопатией, шизотипическим расстройством личности и шизофренией? Здесь может пролить определенный свет учение М. Балинта о базисном дефекте:

«... базисный дефект, — пишет Балинт, — образуется на ранних стадиях развития индивида, когда обнаруживается значительное расхождение между его психобиологическими потребностями, с одной стороны, и тем количеством внимания и любви, материальной и психологической заботы, которые доступны для него на тот момент, — с другой. Так возникает состояние нехватки, дефицита, последствия и отсроченный эффект которых в будущем могут быть обратимыми лишь отчасти» [Балинт, 2002, с. 37].

По-видимому, все упирается в отношения между младенцем и родителями, прежде всего матерью. Если мать холодна и отчуждена, то может возникнуть ранний аутизм или балинтовский «базисный дефект». Райх считал, что холодность матери может проявляться еще в период вынашивания плода, когда плод находится, по выражению Лоуэна, в «холодной матке» [Лоуэн, 1996, с. 197], то есть внутри бесчувственной холодной женщины, которая, возможно, и не хочет этого ребенка.

Теперь рассмотрим истерика. Он или чаще она вытесняет неприятное, любит поговорить, сексуально амбивалентно ориентирована, у нее плавающая идентичность. И вот здесь опять-таки заходит речь о фиксации. Типичный истерик фиксирован на Эдиповой стадии развития. Но вот что пишет по этому поводу Ненси МакВильямс:

Фрейд и многие последующие аналитики выдвинули предположение о двойной фиксации при истерии — на оральных и эдипальных проблемах. В упрощенном виде это можно сформулировать следующим образом: очень чувствительная и голодная маленькая девочка нуждается в особенно отзывчивой материнской заботе. Она разочаровывается в своей матери, которой не удается сделать так, что девочка почувствовала себя адекватно защищенной, сытой и ценимой. По мере приближения к эдиповой фазе, она достигает отделения от матери посредством ее

обесценивания и обращает свою интенсивную любовь на отца как наиболее привлекательный объект, в особенности, потому что ее не удовлетворяющие оральные потребности объединяются с более поздними генитальными интересами и заметно усиливают эдипальную динамику, но как девочка может достичь достижения эдипова конфликта, идентифицируясь с матерью и одновременно соревнуясь с ней. Она все еще нуждается в матери и в то же время уже обесценила ее.

Эта дилемма привязывает ее к эдипову уровню. В результате подобной фиксации она продолжает видеть мужчин как сильных и восхитительных, а женщин — как слабых и незначительных. Поскольку девочка считает силу врожденным мужским атрибутом, она смотрит на мужчин снизу вверх, но также — большей частью бессознательно — ненавидит и завидует им. Она пытается усилить свое ощущение адекватности и самоуважения, привязываясь к мужчинам, в то же время исподволь наказывая их за предполагаемое превосходство. Она использует свою сексуальность как единственно возможную силу, которую, как она считает, имеет ее пол, вместе с идеализацией и «женской хитростью» — стратегией субъективно слабых — для того, чтобы достичь мужской силы. Поскольку она использует секс скорее как защиту, а не как самовыражение, она с трудом достигает наслаждения от интимной близости с ними и может страдать от физических эквивалентов страха и отвержения (боль или бесчувствие при сексе, вагинизм и отсутствие оргазма) [МакВильямс, 1998, с. 391].

Здесь вызывает сомнение тезис о том, что оральная проблематика свойственна истерикам. Традиционно со времен Абрахама считалась, что оральность связана с депрессией. Но обращает на себя внимание идея двойной фиксации. Если такое в принципе возможно, то почему бы не предположить, что именно у нашего шизоистерика имела место двойная фиксация — одна на ранней стадии (базисный дефект), а другая на Эдиповой стадии. Что нам даст эта гипотеза? Если удастся каким-то образом доказать, что это действительно так, то вопрос о шизоистерическом характере как самостоятельной конституции может быть решен в положительную сторону.

Но как это все можно представить психодинамически?

Вернемся к нашей концепции Суперэго- и Id-характеров. Суперэго истерика в противоположность Суперэго ананкаста, которое носит сурово-запрещающий характер, является мягким, рыхлым, поскольку отец истерика был каким-то невыразительным, а мать равнодушно-попустительской — отсюда плавающая идентичность истерика.

Тогда можно предположить, что у истерика должно быть сильное Id, влечение, сексуальная озабоченность. Но именно озабоченность, амби-

валентное отношение к сексу и отсутствие удовлетворения при сексуальном контакте. Кажется, что бессознательное истерика вступает в сложный диалог не с его Суперэго, а с его Эго. Эго истерика — незрелое, инфантильное, тем не менее, оно является его главным козырем в борьбе между инстанциями его психики. Для истерика, прежде всего, важно его Я, он его культивирует в диалектике Эго-желания и Id-влечения. Лакан считал, что любое влечение это влечение к смерти («Любовь и смерть всегда вдвоем»). Вспомним также Сабину Шпильрейн, первой заявившую о близости коитуса и умирания в статье «Деструкция как становление» [Шпильрейн, 1995]. Истерик относится к смерти так же демонстративно, как и к жизни.

Рассказ Бунина «Дело корнета Елагина», посвященный анализу убийства актрисы Марии Сосновской ее любовником Александром Елагиным, представляет собой некую философскую энциклопедию истерии, истерическую философию смерти и времени. Как кажется, противопоставление жизни и смерти в истерическом ключе является заострением «истерической пропорции». Противопоставление между динамикой и статикой, фугой и кататонией, между рыданием и хохотом, красноречием и мутизмом в конце концов упирается в главное противоречие в человеческом существовании — между жизнью и смертью. Сняв это противоречие в добровольном уходе из жизни, истерик снимает тем самым и все другие, которые постепенно все более раскачивали его жизнь, как маятник. Проявления истерической пропорции ясно видны в рассказе, о котором идет речь. Например:

После того, как он пришел ко мне с признанием в убийстве Сосновской, он то страстно плакал, то едко и буйно смеялся [о Елагине].

Я хочу кричать, петь, декламировать, плакать, полюбить и умереть [Сосновская о себе].

Если можно говорить об особенностях истерического влечения к смерти, то она хорошо видна из следующей цитаты:

— Я изберу себе прекрасную смерть. Я найму маленькую комнату, велю обить ее траурной материей. Музыка должна играть за стеной, а я лягу в скромном белом платье и окружу себя бесчисленными цветами, запах которых и убьет меня. О, как это будет дивно!

(Сравним «Схороните меня среди лилий и роз» Мирры Лохвицкой.)

Здесь самое главное в том, что благодаря своей богатой способности к фантазированию истерический человек как будто видит свою смерть и сам на ней присутствует, поэтому-то для него важно, как все будет обставлено, какими будут цветы, какого цвета стены комнаты. Но что это означает, что истерик видит свою смерть и хорошо представляет ее мизансцену?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к истерической философии времени. В разбираемом рассказе (как и в знаменитой новелле «Легкое дыхание», также посвященной убийству женщины любовником) время повествования нелинейно: сначала говорится о том, как Елагин признается товарищам в убийстве актрисы, а после этого перипетии их связи разворачиваются в рассказе повествователя, от эпизода к эпизоду, без соблюдения хронологической последовательности. В чем особенность отношения истерического человека к прошлому? В том, что травматическая часть прошлого вытесняется и на его месте появляется симптом. Наличие этой части прошлого отрицается и заменяется другой частью, выдуманной или преувеличенной. Так, например, в истерическом ностальгическом сознании людей, живущих в Восточной Европе и неудовлетворенных жизнью при капитализме, появляется тоска по застойным временам, при этом все неприятные, травматические стороны жизни при социализме вытесняются, а вместо этого в качестве покрывающего воспоминания возникают идеи стабильности, уюта, безопасности и т.д. житья при социализме [Салецл, 1999]. То есть время для истерика, прежде всего, неоднородно: есть хорошие части времени, а есть неприятные. Неприятные можно вытеснять, как бы вырезать ножницами, а приятные наоборот растянуть. Точно так же, если временем можно манипулировать в принципе, то можно менять местами временные отрезки и выстраивать бесконечное количество временных констелляций. Можно менять несколько биографий, каждый раз начиная жизнь с чистого листа, можно переправлять биографию в соответствии с господствующей в данный момент эмоциональной идеологией.

Еще один аспект у истерической философии времени и смерти заключается в том, что истерическое сознание в принципе диалогично, истерическое высказывание не существует вне реакции Другого, поэтому для истерического сознания не существует «одинокое» объективного времени без свидетелей и соучастников. Собственная смерть разыгрывается истериком, как спектакль (наиболее известный спектакль такого рода — это, конечно, смерть Нерона), потому что любое событие теряет смысл, если в нем не участвуют другие люди, зрители и партнеры по спектаклю. В этом смысле постоянно забегающее вперед и оборачивающееся назад время истерического сознания хорошо видит восторженные лица потомков и слышит их аплодисменты, поэтому смерть для истерика не является заключительным аккордом жизни — она является лишь, может быть, самым ярким, красочным аккордом.

Продолжая разговор об Эго истерика, можно сказать, что у него по преимуществу телесное Эго, которое он выставляет напоказ как «вывеску

симптомов». В то же время, тело истерика ущербно по сравнению, например, с телом синтоника. Ущербно в том смысле, что оно, символически представляя собой огромный фаллос, демонстрирует, говоря словами Лакана, «нехватку в другом» — никакого фаллоса ведь на самом деле у него (у нее) не существует. И этот эксгибиционистский жест истерички адресован Другому, без которого истерик не может, которого ему не хватает.

Что же говорит тело истерика, какое бессознательное послание в смысле Томаса Саса оно несет? Оно может говорить: «Посмотрите на меня, я самая красивая и привлекательная, но я одновременно жалкая, я не могу говорить и ходить, меня тошнит, комок в горле, я плачу и цепенею, я беременна [от тебя] (истерическая беременность)». Таким образом, телесность истерика, как и его сексуальность, глубоко амбивалентна. Фрейд писал о женской сексуальности, что если у мальчиков Эдипов комплекс завершается комплексом кастрации — он боится, что отец его кастрирует и прекращает свои сексуальные поползновения по отношению к матери, то у девочек всё наоборот: комплекс кастрации (в сущности, зависть к пенису) предшествует Эдипову комплексу, поэтому у девочки — девушки — женщины Эдипов комплекс, в сущности, продолжается всю жизнь: все мужчины — нерадивые отцы, все женщины — отвергающие равнодушные матери [Фрейд, 2006].

А что же шизоид? Какое у него Суперэго? На первый взгляд, может казаться, что Суперэго у него должно быть жестким. Но это не совсем так. Ведь, как мы предположили, шизоид — это тот, кто в младенчестве с трудом прошел шизоидно-параноидную позицию и у него остался от нее рубец («базисный дефект»), который определяет его дальнейшую, в частности, сексуальную жизнь. Поэтому у шизоида наличествует архаическое («кляйнианское») Суперэго, формирующееся задолго до эдипальных отношений. Можно сказать, что Суперэго шизоида в целом двойное: одно архаическое материнское, другое — отцовское. Вспомним идею боязни поглощения, поедания, которая досталась шизоиду в наследство от его тяжелого раннего младенчества и которое управляет его поведением во взрослой жизни. Мне кажется, именно о шизоидах рассказана сомнительная история первобытной орды в «Тотеме и табу», как братья убили и съели своего отца, чтобы он не мешал им заниматься любовью с матерью. Идея поедания отца идет от раннего бессознательного тезиса: «Если я не съем тебя, то ты съешь меня». Но вступать в интимные отношения с матерью шизоиду страшно, потому что мать у него «стрёмная», она тоже может поглотить, именно такая мать представляет собой *vagina dentata*, разверстую пасть, которая готова откусить, поглотить и съесть.

Фигура матери как нечто инцестуозно-ужасное, как *vagina dentata* может сохраняться у человека на всю жизнь. Вот что пишет о Жаке Лакане его биограф Элизабет Рудинеско:

В этом семейном романе доминанция матерей всегда представляла как причина уничтожения или ослабления функции отца. Что касается женской сексуальности, то Лакан после своих встреч с Батаем и чтением Мадам Эдварды рассматривал ее теоретически как нечто отвратительное, как черную дыру, как предмет, «оснащенный» крайней оральностью, как непознаваемую субстанцию: реальное, но устроенное иначе. В марте 1955 года в ошеломляющей лекции, посвященной знаменитому сну Фрейда об Ирме, рассказ Фрейда он интерпретировал соответствующим образом, отождествляя «раскрытый рот» Ирмы с зиянием промежности, откуда появлялась страшная голова Медузы. И потом, уже в 1970 году, желая сжать в одной фразе весь ужас, который внушали ему матери, и все отвращение, которое он испытывал перед животной природой метафоры орального таинства, он заявил: «Огромный крокодил, в пасти у которого вы находитесь — это и есть мать. И никто не знает, что может взбрести ему в голову в ближайшую минуту: он может просто взять и захлопнуть пасть. В этом и состоит величайшее желание матери» [Roudinesco, 1987, с. 358].

Поэтому шизоиды и боятся сексуальных отношений. В этом их парадоксальная близость к истерикам.

Но отец для шизоида — это, таким образом, «мертвый отец», символический отец, то есть это лакановское Имя Отца. Чем отличается шизоидное Имя Отца от запрещающего сурового отца обсессивно-компульсивного субъекта. Имя Отца — это скорее Бог-Отец («Да святится Имя Твое...»).

Вся жизнь шизоида — это сублимация. Поэтому для него важнее всего творчество. И Бог играет для него роль не запрещающего, а вдохновляющего на творчество, это *творческое* Суперэго. Творческое Суперэго исходит из Имени Отца, Бога-Отца, который благословляет своего Сына на великий путь творческой жертвы.

Действительно, творческий импульс — самая сильная сторона шизоида, который занимается творчеством не для других, а для себя, если он атеист, и для Бога, если он верующий. Творческое Суперэго поддерживает его в неудачах и фрустрациях, помогает ему в его замкнутости сделать жизнь не тягостной, а полной вдохновения. Во многом именно к шизоиду применимы последние слова Архимеда, обращенные к убивающему его римскому солдату: «Не трогай мои чертежи». На двери кабинета одного ученого шизоида висит табличка с этими словами: «*Noli turbare circulos meos!*», то есть, как прокомментировал это обладатель

таблички: «Не мешайте мне работать!» Смерть менее важна, чем чертежи, которые останутся после смерти, потому что текст живет дольше человека. Шизоидное время в этом смысле направлено в противоположную сторону по отношению к обычному анизотропному времени, накапливающему энтропию в соответствии со вторым началом термодинамики. Время шизоида — это культурное время накопления информации, оно движется не к распаду, а к вечности.

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них.

(Ф.И. Тютчев)

В противоположность истерику шизоид имеет редуцированное тело⁶: Невротическое Я доминирует над телом, шизоидное Я отрицает тело, а шизофреническое — диссоциируется с ним [Лоуэн, 1999, с. 15].

Философ Плотин согласно легенде говорил, что он стыдится того, что у него есть тело. Шизоид стремится к тому, чтобы быть чистым духом, к тому, чтобы превратиться в текст, и саму реальность понимает как сложную совокупность текстов.

Что же говорит Бог шизоиду? Он говорит ему словами Пушкина:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди. Куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить сумеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Поэт-шизоид отвечает Богу своими текстами. Что же он говорит окружающим его Людям? — «Не трогайте мои чертежи!»

⁶ См. об этом подробно книгу Александра Лоуэна «Предательство тела», целиком посвященную телесности шизоида.

Так же, как и у истерика, у шизоида важную роль играет его Эго, но в противоположность истерику его Эго развитое и зрелое, оно лишь подточено ранним младенческим рубцом. Чем творчество шизоида отличается от творчества шизофреника? Чем Тютчев отличается от Мандельштама, Лермонтов от Введенского, Бах от Бетховена? Шизоид строит аутистическую систему, гармонию.

Неизъяснимый строй во всем,
Созвучье полное в природе.
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею познаем.

Все-таки разлад есть, но он находится на уровне бессознательного, в призрачной свободе шизоида, зависящего от своего творчества. У шизофреника всё не так, его построения гораздо более парадоксальны. Его поэзия в каком-то смысле деструктивна. Однако и шизоид не только создает, но и разрушает, отрицая предшествующую традицию. Витгенштейн писал в своих заметках, которые после его смерти опубликовал Георг фон Фригт: «... Я думал над своей работой по философии и приговаривал: «Я разрушаю, разрушаю, разрушаю, разрушаю...» [Витгенштейн, 1994, с. 431].

Рассмотрим творчество И.С. Баха, одного из самых великих шизоидов мировой культуры. Считается, что Бах был строителем полифонической формы. Однако это мнение ошибочно. Бах довел полифонию до ее логического завершения, в частности в «Искусстве фуги», и разрушил ее, создав предпосылки для возникновения сонатной формы венского классицизма, для музыкального языка Моцарта и Гайдна⁷. В свою очередь, Бетховен, в юности освоив венскую сонатную форму, под конец жизни разрушил ее, подготовив пути раннему экспрессионизму Малера. От Баха же шла линия к додекафонии Шенберга, то есть возврат к строгому контрапункту, как показал в своем очерке «Путь новой музыки» ученик Шенберга Антон Веберн [Веберн, 1975].

Как же все это сочетается у шизоистерика? С одной стороны, рыхлое попустительское истерическое Суперэго, с другой, творческое шизоидное Суперэго. Шизодный рубец и эдипальная расплывчатая идентичность истерика. Сексуальная озабоченность и духовная творческая жизнь, гипертрофированная фаллическая телесность и редуцированное отрицаемое тело. Молчаливое одиночество и шумная демонстративность.

⁷ См. об этом статью Филиппа Гершковича [Гершкович, 1991, с. 212].

Любая конституция — это диалог между двумя ее частями: Суперэго-характером и Id-характером. Мы полагаем, что *в принципе* существуют только двойные характеры, так как диалогичность — это фундаментальное свойство личности.

Здесь могут быть разные сочетания: циклоид — шизоид (вовсе не обязательно шизофреник), циклоид — истерик, истерик — анакаст, шизоид — анакаст, психастеник — шизоид и т. д. Примеры: Кант — обсессивный шизоид, Гегель — обсессивный шизоид [Шувалов, 2005, с. 271], Гёте — циклоид и шизоид («Две души живут в душе моей»): «Личность Гёте представляет собой смесь циклоидных и шизоидных элементов» [Шувалов, 2005, с. 293]; Брюсов — шизоид и истерик! [Шувалов, 2005, с. 188].

Рассмотрим творчество Брюсова, который представляется нам примером шизоистерика. С одной стороны, Брюсов — поэт-ученый, писавший трактаты по стиховедению, которые надолго опередили свое время, смелый экспериментатор в области стихотворной формы. С другой стороны, это самый сексуальный русский поэт, а также автор истерических дискурсов, посвященных ярким красочным описаниям природы, наполненным цветными эпитетами (маркер истерического дискурса):

*Зелен березами, липами, кленами,
Травами зелен, в цветах синь, желт, ал,
В облаке жемчуг с краями калеными
В речке сапфир, луч! вселенский кристалл!*

Природа для истерика — это зеркало, в которое он глядится, поэтому природные цвета с легкостью переходят в цвета драгоценных камней, висящих на женском теле, и отсюда закономерен переход к теме эротизма, которая тоже щедро расцветивается: белые, коралловые, жемчужные зубы, черные, синие глаза, красные губы, белые, желтые, рыжие, золотые, белые волосы — именно так поэт-истерик воспринимает женщину.

Стихи Брюсова, особенно ранние, преисполнены сексуальности, но отношение к сексу у поэта амбивалентное. Вот наиболее показательный фрагмент:

*Что за радость к этим губкам
Губы алчные склонить,
Этим жгучим острым кубком
Жажду страсти утолить!*

Да, я верю: в этом теле
Взвинность синего огня!
Здесь опасность в — самом деле! —
Чур меня! Ах, чур меня!

Как видим, с одной стороны, страсть, с другой, опасность внедрения. Чего же боится поэт-любовник?

Смотрела долго-долго на меня,
Припоминая наш восторг минутный...
И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутаны и смутны.
Но вдруг, с руки венчальное кольцо
Сорвав, швырнула прочь. Упала рядом,
Сжимая губы. Подавляя плач,
Рыдая глухо...

Здесь шизоистерически ведет себя героиня стихотворения: ощущение чуждости, наступившее после соития, и истерическая реакция.

Вот примерно такое же:

Она еще ни разу алых губ
В любовном поцелуя не сближала, -
Но взгляд ее порой, так странно-груб...
Иль поцелуя было бы ей мало?

Мне жаль того, кто, ей вручив кольцо,
В обмен получит право первой ночи.
Свой смех она ему швырнет в лицо
Иль что-то совершит еще жесточе!

Что же еще «жесточе» — кастрирует что ли? Вот этого он, вероятно и боится.

Я — пленник (горе побежденным!)
Твоих колен и алчных уст.
Но в стоне сладостно-влюбленном
Расслышь костей дробимых хруст!
<...>
Дрожа, прислушаюсь к стенанью.
Запечатлею звуки слов,

И с ними, как с богатой данью,
Вернусь к свободе из оков.

Потом моим стихам покорным,
С весельем передам твой лик,
Чтоб долго призраком упорным
Стоял пред миром твой двойник.

Секс здесь с элементами истерического надрыва и затаенной ненависти. И потом шизоидный уход в одиночество творческой сублимации. Только творчеством может поэт пережить травму (травму даже в прямом смысле — «Расслышь костей дробимых хруст!»)

И еще в таком же духе:

Все ж ты владела полудетской страстью;
Навек меня сковать мечтала властью
Зеленых глаз... А воли жаждал я...

И я бежал, измены не тая,
Тебе с безжалостностью кинув: «Падай!»
С такой отравно-ранящей усладой!

Здесь переплетены истерическое и шизоидное: с одной стороны, вновь бегство, с другой, истерическая поза с вычурным двойным эпитетом, напоминающим северяниновские, — «отравно-ранящей усладой».

Любовь мыслится Брюсовым рядом со смертью — не отзвук ли это младенческого влечения к смерти по Мелани Кляйн?

Но в ароматном будуаре Жени
Я был все тот же, тускло-неживой;
И нудил ропот, женственно-грудной,
Напрасно — миги сумрачных хотений.

Я целовал, но — как восставший труп,
Я слышал рысий истерийный хохот,
Но мертвенно, как законный грохот...

Так водопад стремится на уступ,
Хоть страшный путь к провалу неприменен...
Но каждый образ для мен священен.

Поэзия Брюсова не ограничивается такими, в общем, очень средними эротическо-сексуальными побасенками. Есть у Брюсова и замечательные стихи, например, «Конь блед»:

I

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
<...>

II

И внезапно — в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.

Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!

Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая лица, — люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»,
То, упав на мостовую, бились в общей груди...
Звери морды прятали, в смятеньи, между ног.

Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.

Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницей!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада и меча!»

IV

Но восторг и ужас длились — краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движение,
Было все обычным светом ярко залито.

И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.

Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

С одной стороны, всё это напоминает картину Брюллова «Последний день Помпеи» — все истерично: плач, вопли, все как будто напоказ, как будто позируя; с другой, — неподдельный глубоко переживаемый ужас перед гибелью мира, то ли на самом деле происходящий, то ли привидевшийся в сновидном шизоидном полубреду. Такой шизоистерический апокалипсис.

Заключение

Мы, в сущности, до сих пор не знаем, что такое человеческий характер: является ли он врожденным, как утверждают психиатры, или это «конституция плюс судьба», как считал Фрейд. Мы не убеждены, что шизоистерик — это открытый нами не описанный ранее характер. Мы лишь убеждены в одном: у каждого человека двойной характер, или в его характере две части, которые ведут друг с другом бесконечный диалог. Мы встречали в жизни нескольких человек с таким характером, но, не будучи клиницистом, не считаем себя в праве рассматривать реальные случаи. Пусть этим займутся настоящие психологи, а не философы психологии. Как говорил древние, *feci, quod potui, faciant meliore potentes*.

ЛИТЕРАТУРА

- Балинт М. Базисный дефект. М., 2002.
Брейер Й., Фрейд З. Исследования истерии. М., 2005.
Бурно М.Е. О характерах людей. М., 2005.
Веберн А. Лекции о музыке. Письма. М., 1975.

- Витгенштейн Л. Избранные философские работы. Т. 1. М., 1994.
- Волков П.В. Многообразие человеческих миров. М., 2000.
- Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М., 1998.
- Гершкович Ф. Об одной инвенции Иоганна Себастьяна Баха (К вопросу о происхождении венской сонатной формы) // Гершкович Ф. О музыке. М., 1991.
- Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.
- Клайн М. и др. Развитие в психоанализе. М., 2001.
- Кречмер Э. Об истерии. М., 2001.
- Личко А.И. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983.
- Лоуэн А. Физическая динамика структуры характера. М., 1996.
- Лоуэн А. Предательство тела. М., 1999.
- МакВильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 1998.
- Риман Ф. Основные формы страха. М., 1999.
- Руднев В. Характеры и расстройства личности. М., 2002.
- Руднев В. Диалог с безумием. М., 2005.
- Салещл Р. (Из)вращения любви и ненависти. М., 1999.
- Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода. М., 1999.
- Фрейд З. О женской сексуальности // Фрейд З. Сексуальная жизнь. М., 2006.
- Шувалов А.В. Безумные грани таланта: Энциклопедия патографий. М., 2005.
- Roudinesco E. 1992. *Jacques Lacan: Esquisse d'un système de pensée*. Paris.

ON SCHIZO-HYSTERICAL CHARACTER

V.P. RUDNEV

The paper proposes a concept of schizo-hysterical character as an independent type of personality constitution. The nature of hysteroid and schizoid personality are discussed and compared. The author describes the concepts of Super-ego character and Id-character. A hypothesis postulating the existence of double characters is proposed, and the nature of schizo-hysterical character is revealed.

Keywords: schizoid, hysteroid, character, Freud.

- Balint M. Bazisnyj defekt. М., 2002.
- Brejer J., Frejd Z. Issledovanija isterii. М., 2005.
- Burno М.Е. О harakterah ljudej. М., 2005.
- Vebern A. Lekcii o muzyke. Pis'ma. М., 1975.
- Vitgenshtejn L. Izbrannee filozofskie raboty. Т. 1. М., 1994.
- Volkov P.V. Mnogoobrazie chelovecheskih mirov. М., 2000.
- Gannushkin P.B. Izbrannye trudy. М., 1998.
- Gershkovich F. Ob odnoj invencii Ioganna Sebast'jana Baha (K voprosu o proishozhdenii venskoj sonatnoj formy) // Gershkovich F. O muzyke. М., 1991.

- Dzhons Je. Zhizn' i tvorenija Zigmunda Frejda. M., 1997.
Kljajn M. i dr. Razvitie v psihoanalize. M., 2001.
Krechmer Je. Ob isterii. M., 2001.
Lichko A.I. Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. L., 1983.
Loujen A. Fizicheskaja dinamika struktury haraktera. M., 1996.
Loujen A. Predatel'stvo tela. M., 1999.
MakVil'jams N. Psihoanaliticheskaja diagnostika. M., 1998.
Riman F. Osnovnye formy straha. M., 1999.
Rudnev V. Haraktery i rasstrojstva lichnosti. M., 2002.
Rudnev V. Dialog s bezumiem. M., 2005.
Salecl R. (Iz)vrawenija ljubvi i nenavisti. M., 1999.
Sosland A.I. Fundamental'naja struktura psihoterapevticheskogo metoda. M., 1999.
Frejd Z. O zhenskoj seksual'nosti // Frejd Z. Seksual'naja zhizn'. M., 2006.
Shuvalov A.V. Bezumnye grani talanta: Jenciklopedija patografij. M., 2005.
Roudinesco E. 1992. *Jacques Lacan: Esquisse d'un système de pensée*. Paris.